

Марина Фёдорова

Брачный договор

Раздел 7

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Фёдорова

Раздел 7

<https://litres.ru/73998691>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Ветрова ненавидит Дамира Корсакова с первой секунды знакомства. Он холоден, циничен и привык покупать всё, включая людей. Но чтобы спасти компанию отца, ей придется подписать бумаги и стать его женой.

Дамир Корсаков привык просчитывать риски. Брак по расчету — это просто сделка. Но Алиса оказывается не просто «инвестицией». Она умна, дерзка и чертовски опасна для его самообладания.

Условия контракта жесткие. Но что, если настоящая игра начинается за рамками документа? Что, если единственный пункт, который они не могут выполнить, — это остаться равнодушными друг к другу?

Содержание

Глава 1. Алиса	4
Глава 2. Дамир	17
Глава 3. Алиса	29
Глава 4. Дамир	47
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Фёдорова

Раздел 7

Глава 1. Алиса

Телефон завибрировал на мраморной столешнице. И очень не вовремя. Ровно в тот момент, когда я пыталась понять, какого чёрта мой новый ассистент плеснул в кофе вместо миндального сиропа.

Фундук.

Я поморщилась. Сделала ещё глоток — просто чтобы убедиться. И поморщилась снова.

Определённо фундук.

Идиот.

— Ты где? — голос матери ворвался в утреннюю тишину пентхауса без предупреждения. Впрочем, как и всегда.

— И тебе доброго утра, — я отставила чашку. — Я на кухне, если так интересно. Пью отвратительный кофе и собираюсь на встречу. На которую меня даже не удосужились пригласить лично.

— Не язви. Отец ждёт тебя к десяти.

— О, теперь уже к десяти? Вчера было к одиннадцати.

Я встала из-за стойки и направилась в гардеробную. Босые ступни бесшумно ступали по нагретому полу. В спальне

работал климат-контроль, но утреннее солнце уже проникало сквозь панорамное остекление, оставляя на полу тёплые островки света.

— Он что, боится, что я буду выглядеть лучше него?

— Алиса.

— Что «Алиса»? — я вошла в гардеробную и щёлкнула выключателем. Мягкий свет залил ряды вешалок. — Я уже большая девочка, мама. Мне двадцать пять. В этом возрасте некоторые уже управляют корпорациями, а не утренние нотации от родителей выслушивают.

В трубке повисла пауза.

Я представила, как она сейчас стоит у окна в своей гостиной. Идеально уложенные волосы. Шёлковый халат. Чашка зелёного чая в тонкой фарфоровой чашке.

Она всегда умела держать лицо. Даже когда внутри всё кипело.

— Ты лишь играешь в бизнес, дорогая, — наконец произнесла она тем ровным тоном, который я ненавидела больше всего на свете. — А могла бы уже давно...

— Играю?

Я замерла посреди гардеробной. Три зеркала — в полный рост — отразили меня с трёх сторон. Распущенные тёмные волосы. Острый подбородок. Глаза, которые отец называл «волчьими» — слишком светлые для смуглого лица, слишком цепкие.

— Мама, я привела отдел маркетинга к росту на сорок

процентов. За полгода. Я закрыла сделку с японцами, которую отец считал провальной. Я...

— Ты работаешь на своего отца, Алиса. Это не бизнес. Это дочкины забавы.

Я выдохнула. Глубоко. Медленно.

Раз. Два. Три...

К чёрту. Всё равно не поможет.

— У тебя всё? Мне нужно собираться к своему «игровому» совещанию.

— Выбери что-нибудь приличное. Не как в прошлый раз.

— Вообще-то в прошлый раз на мне была юбка до колен.

— Она была красной, Алиса. Красный — это вызов.

— Это цвет силы, мама.

Я провела рукой по ряду вешалок. Шёлк, шерсть, хлопок — всё по ранжиру, по цветам, по сезонам. Идеально.

— Ладно, я перезвоню.

— Не надо. Просто не опоздай.

Отключилась. Первой.

Ну конечно.

Я швырнула телефон на пуфик. И невольно посмотрела на своё отражение. Три Алисы смотрело на меня в ответ. Я не классическая красавица. Но умею пользоваться тем, что дала природа. И особенно — головой.

Жаль только, родители этого не замечали.

Дочкины забавы...

Чёрт бы побрал эту женщину.

Так.

Я тряхнула головой, отгоняя лишние мысли. И шагнула к вешалкам.

Так-так-так... Что бы такое... О.

Я достала тёмно-синий брючный костюм. Достаточно строгий, чтобы не провоцировать мать. И при этом с достаточно глубоким вырезом, чтобы напоминать себе, что я не только менеджер, но вообще-то и женщина.

Ткань блузки скользнула по плечам — прохладная, почти невесомая. И брюки сели идеально.

Хорошо.

Теперь туфли.

Ну, тут выбор очевиден.

Высокая шпилька — моя слабость и моё оружие. Когда ты выше ростом, с тобой сложнее спорить. Я усвоила это ещё в университете.

Финальный взгляд в зеркало.

Отлично.

Теперь можно и «поиграть».

***

Водитель ждал у подъезда ровно в девять тридцать. Я люблю пунктуальность. Это единственный способ контролировать окружающий хаос. Особенно в условиях, когда твой отец владеет одной из крупнейших девелоперских компаний в стране, но до сих пор не воспринимает тебя всерьёз.

— Доброе утро, Алиса Сергеевна, — кивнул Кирилл, от-

крывая дверь черного «Мерседеса».

— Доброе. Старший поступил?

— Да, спасибо.

— Поздравляю. Если нужна будет практика — пусть обращается.

Он благодарно улыбнулся в зеркало заднего вида.

Я знала имена всех водителей. Всех помощников. Всех секретарш в нашем офисе. Это не показушная демократия. Нет. Просто люди, которые работают на тебя, должны чувствовать, что их замечают. Странно, что отец, при всем своим управленческом опыте, этого так и не понял.

Машина тронулась плавно, почти бесшумно. Город за окном уже кипел. Москва никогда не спит, Москва всегда спешит, Москва давит на психику своими стеклянными высотками и бесконечными рекламными щитами.

Я смотрела сквозь тонированное стекло и пыталась угадать, зачем отцу понадобилась эта встреча. Обычно мы обсуждали дела по скайпу или в неформальной обстановке. Личный вызов в офис означал что-то серьезное.

Слияние с «Восточными ресурсами».

Эта новость гуляла по рынку уже больше месяца, но отец лишь отмахивался. «Слухи», — говорил он. «Конкуренты разгоняют панику». Но если совет директоров уже продавил это решение?..

— Чёрт, — выдохнула я.

Вспомнился недельный разговор с финансовым директо-

ром. Он намекал на проблемы с ликвидностью. Намекал, что без серьёзного партнёра мы можем не вытянуть следующие два проекта. Я тогда не придавала значения — думала, преувеличивает. В преддверии годового отчёта все становятся параноиками.

— Чёрт...

***

Офис «Ветров-Девелопмент» занимал три верхних этажа в башне «Меркурий». Я любила это место. Отсюда открывался вид на всю Москву, и в ясную погоду казалось, что ты паришь над городом. Как хищная птица.

— Алиса Сергеевна!

Наташа, секретарша, подскочила с места, едва я вышла из лифта. Щёки покраснелись. Глаза бегают. Нервничает.

— Вас ждут.

— Кофе? — спросила я, протягивая ей пальто.

— Вам в кабинет?

— Нет, — я поправила пиджак, бросив короткий взгляд в сторону приёмной отца. — У отца какой кофе? Американо? Эспрессо?

— Эспрессо.

— Значит, мне американо. Двойной. И с нормальным сиропом. Не как у того идиота, которого ты мне подобрала.

Наташа виновато улыбнулась. Я вздохнула.

Вообще, по натуре я не злая. Просто некомпетентность окружающих бывает слишком утомительной. Особенно ко-

гда твоя фамилия Ветрова и любая ошибка персонала становится твоей ошибкой. В глазах таких людей, как моя мать.

Я двинулась по коридору.

Кабинет отца находился в торце. Массивная дубовая дверь, табличка с именем и фамилией, которую я помнила ещё с детства. Когда-то я приходила сюда после школы и ждала, пока папа закончит работу. Сидела на том самом диванчике в приёмной, болтала ногами и рисовала в блокноте. Тогда он улыбался, когда видел меня.

Давно это было.

Я вошла без стука. Мы так договорились. Я — единственный человек в компании, кто может себе это позволить.

— Привет, пап.

И замерла.

Отец сидел в своём кресле. Но вид у него был... странный. Будто он ждал приговора врача. Рядом, в кресле для посетителей, расположился мужчина, которого я раньше никогда не встречала. Лет шестидесяти. Тяжёлый взгляд. Квадратная челюсть.

Один из тех, кого положено бояться.

— Алиса, — отец встал. Встал.

Это был плохой знак. Он никогда не вставал при таких встречах.

— Проходи. Садись.

— Я, наверно, не вовремя? — я перевела взгляд с отца на незнакомца. — У тебя встреча.

— Нет, вовремя. Знакомься, это Игнатий Корсаков.
Корсаков.

Фамилия щёлкнула в голове, как затвор пистолета. «Восточные ресурсы». Нефть, газ, металлургия. А ещё — политические связи. Такого уровня, что о них не пишут в газетах.

— Алиса Ветрова, — я шагнула вперёд и протянула руку.
— Наслышана.

Корсаков-старший пожал мою ладонь. Рукопожатие было сухим и крепким. Но в глазах мелькнуло что-то похожее на оценку.

Меня оценивали. Как товар.

— Наслышан, — его голос оказался низким, с хрипотцой.
— Много хорошего, между прочим.

— Правда? — я усмехнулась и села в кресло рядом с ним, не дожидаясь приглашения. — Обычно обо мне говорят или «стерва», или «папина дочка». А что слышали вы?

— Алиса! — отец нахмурился.

— Что? — я пожала плечами. — В честности — сила. Особенно когда речь идёт о слиянии. Да, пап? Я права?

Тишина.

Отец переглянулся с Корсаковым. Акула переглянулась с касаткой.

— Не совсем, — наконец произнёс отец. — Мы говорим... о чём-то большем, чем слияние, дочка.

Я замерла. Внутри что-то сжалось. Предчувствие. Поганое, липкое.

— Не томи. У меня через час встреча с подрядчиками.

— Отмени.

— Что?

— Отмени, — он сел в кресло и сложил руки на столе.

— То, что мы собираемся обсудить, важнее любого подрядчика.

Я посмотрела на Корсакова. Он молчал. Но в уголках его губ пряталась усмешка. Ему нравилось происходящее. Ему нравилось смотреть, как отец готовит почву для удара.

— Ладно, — я достала телефон и быстро набрала сообщение ассистенту. — Вся во внимании.

— Игнатий и я давно ведём переговоры, — начал отец. — Рынок сейчас сложный. Кризис. Общая нестабильность. Мы оба понимаем, что поодиночке нам будет трудно удержать позиции.

— Поэтому слияние? — уточнила я.

— Поэтому партнёрство. Более тесное, чем слияние.

Пауза.

— Мы хотим объединить не только компании, Алиса. Мы хотим... объединить семьи.

Я моргнула.

— В смысле? — взгляд заметался между отцом и Корсаковым. — Вы о чём?

— У Игнатия есть сын. Дамир. Тридцать два года, блестящее образование. Управляет всеми операциями «Восточных ресурсов» последние пять лет, — отец говорил так, будто за-

читывал биржевой отчёт. — Мы хотим, чтобы вы поженились.

Я рассмеялась.

Честное слово, не планировала. Это получилось само собой. Нервно. Громко. Немного истерично.

— Вы шутите?

Я посмотрела на отца. Улыбка всё ещё держалась на губах, но внутри уже поднималась холодная волна.

— Пап. Ты в курсе, какой сейчас год? Люди уже лет двести не продают детей за долю в бизнесе.

— Алиса...

— Нет, правда, это отличная шутка. Я оценила, — я вытерла выступившие слезы. — Теперь давайте серьёзно. Что вы задумали?

Корсаков-старший кашлянул.

— Ваш отец говорит серьёзно, Алиса. Мы предлагаем союз, который устроит и вас, и нас. Вы получите контроль над объединённой компанией сразу после свадьбы. Ваш отец — гарантии стабильности. А мой сын...

— Что? — перебила я уже без улыбки. — Жену, которая его терпеть не может? Или вы думаете, что я буду хорошей девочкой и рожу вам наследников, пока вы перекраиваете тут рынок?

— Алиса Сергеевна.

Голос Корсакова стал жёстче. Он подался вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то опасное. Сталь под слоем дорогого

костюма и хороших манер.

— Я понимаю, что для вас это неожиданно. Но давайте не будем играть в наивность. Вы взрослая женщина и понимаете, как устроен большой бизнес.

— Большой бизнес не включает в себя торговлю людьми,
— отрезала я.

И повернулась к отцу.

— Пап, ну скажи ему. Ну это ж бред.

Отец молчал.

Смотрел в стол и молчал.

И тут до меня дошло.

— Ты... уже согласился, да?

Мой голос стал тихим. Почти шёпот.

— Ты уже всё решил, да? И... и эта встреча — не для обсуждения. Это просто... информирование. Да?

— Алиса.

Отец поднял глаза. В них было что-то, чего я никогда раньше не видела. Усталость? Страх? Или и то, и другое?

— У нас нет выбора. Сами мы не выживем. Банки не дают кредиты. Партнёры уходят. Конкуренты жрут друг друга, и до нас скоро тоже доберутся. Это единственный способ сохранить компанию. Сохранить всё, что я строил тридцать лет.

— А я?

Мой голос дрогнул. Я сжала кулаки на коленях — так, что ногти впились в ладони.

— Я... просто приложение к компании, да? Бонус в сделке?

— Ты будешь владеть половиной всего, — быстро вставил Корсаков. — Ты и мой сын. Вы будете управлять империей, о которой большинство может только мечтать.

— Я уже управляю.

Я встала.

— Спасибо за предложение. Но я пас. Найдите другую дурю для ваших средневековых игр.

— Алиса, сядь.

Голос отца стал стальным. Тем самым, которым он разносил нерадивых подчинённых.

— Мы не закончили.

Но я не просто подчинённая.

— Я закончила.

И направилась к двери. Адреналин стучал в висках. Руки дрожали. Но я шла ровно — спина прямая, подбородок вздёрнут. Никто не заметит. Никто.

— Ты хоть понимаешь, что нас тогда ждёт?!

Отец почти прорычал мне в спину. Я никогда не слышала, чтобы он так кричал. Никогда.

— Банкротство! Мы всё потеряем! Дом, компанию, твою квартиру — всё!

Я остановилась у двери. Не оборачиваясь.

— Я что-нибудь придумаю.

— Не придумаешь. Я два года пытался. Не с нашими ре-

курсами, Алиса. Игнатий — один из немногих, у кого есть живые деньги и политическое плечо.

Я закрыла глаза.

В груди снова начал разгораться пожар. Обида. Злость. Отчаяние. Всё смешалось в один ядовитый коктейль.

— И поэтому я должна выйти замуж за чужого мне человека? — спросила я, глядя на дверную ручку. — За человека, которого даже не видела?

— Увидишь, — голос Корсакова был спокойным, почти скучающим. — Он уже здесь.

Ручка дернулась. И дверь открылась.

Я сделала шаг назад — рефлекторно, — чтобы не столкнуться с вошедшим. И подняла глаза.

Высокий. Выше меня даже на каблуках. Чёрные волосы, зелёные глаза, резкие скулы. О линию челюсти можно было ножи точить. Идеально сидящий костюм, часы на запястье, которые стоят как моя машина.

И взгляд.

Такой взгляд, будто он уже всё про меня понял, всё прочитал и вынес вердикт.

Дамир Корсаков собственной персоной.

Глава 2. Дамир

Я стоял в коридоре и слушал, как она орёт на отца.

Звукоизоляция в «Ветров-Девелопмент» — полное дерьмо. Ещё один штрих к портрету этой недокомпании, которая, судя по всему, скоро будет побираться на паперти. Всем штатом.

Сквозь дубовую дверь прорывались обрывки: «торговля людьми», «средневековые игры», «найдите другую дуру». Голос звонкий, поставленный. Похоже, привыкла быть в центре внимания.

Я прислонился плечом к стене и достал телефон. Бессмысленно скользнул пальцем по экрану — почта, календарь, ещё почта. Ничего важного. Просто тянул время.

Внутри — пусто. Ни волнения, ни любопытства, ни раздражения. Только холодный расчёт и лёгкая скука от того, что всё идёт ровно по сценарию. Тому, что я написал в голове ещё месяц назад, когда отец только заикнулся об этом браке.

Алиса Ветрова.

Двадцать пять лет. Единственная дочь Сергея Ветрова. МГИМО, год в Лондонской школе экономики. В компании с двадцати двух: ассистент, руководитель отдела маркетинга, член совета директоров с правом голоса. Но без реальных рычагов. Не замужем. Серьёзных отношений не замечено. Характер — стервозный, независимый, конфликтный.

Любит провоцировать. Не терпит давления.

Умна.

И это может стать проблемой.

Я прочитал досье трижды. Изучил каждую фотографию. Каждое интервью. Каждый пост в её соцсетях, которые она даже не удосужилась закрыть. Знал, что у неё аллергия на клубнику. Что она ходит к одному мастеру маникюра уже три года. Что у неё родинка на левом плече — в форме полумесяца.

Знал. И ничего не чувствовал.

Чувства — роскошь. Причём в моём мире — неприемлемая роскошь. Они делают уязвимее. Заставляют совершать ошибки.

А я не ошибаюсь. Никогда.

— ...И поэтому я должна выйти замуж за чужого человека?

Её голос за дверью стал тише. Но в этой тишине чувствовалась такая ярость, что даже мне стало интересно. Сжимает кулаки? Кусает губы? Смотрит в одну точку, пытаюсь не разреветься?

Я представил её лицо, исходя из просмотренных ранее фотографий. Острые скулы. Светлые глаза. Тёмные волосы, собранные в строгий пучок — но несколько прядей всегда выбиваются, создавая лёгкий хаос. И на всех снимках у неё один и тот же взгляд — взгляд человека, готового к атаке.

Интересно, как долго она продержится, прежде чем пой-

мёт, что я не тот противник, с которым стоит бодаться.

— Увидишь, — ответил отец. — Он уже здесь.

Я убрал телефон в карман, выпрямился и взялся за ручку двери. Секунда — и я внутри.

Она отшатнулась.

Буквально сделала шаг назад, столкнувшись со мной взглядом. И в этом коротком движении я успел прочесть всё: удивление, злость, и — совсем чуть-чуть — что-то похожее на растерянность. Не ожидала, что я стоял под дверью. Не ожидала, что я услышу её вспышку.

Я вошёл, закрыв за собой дверь. Короткий взгляд в сторону других участников. Отец сидел в кресле для посетителей с каменным лицом. Ветров-старший — за своим столом, сжав руки так, что побелели кисти.

Классика.

Два старых волка, что загнали себя в угол и теперь тянут последнюю карту.

Алиса все еще стояла у двери, преграждая мне путь. Пришлось уделить внимание и ей. Но стоило перевести взгляд и рассмотреть её получше, как тут случилось то, чего я совершенно не ожидал.

Вблизи она оказалась... другой. Не той картинкой из досье. Живой. Злой. Красивой той редкой красотой, которая не нуждается в фильтрах и фотошопе. Волосы рассыпались по плечам, глаза горели, а губы — плотно сжаты, но я видел, как дрожит нижняя. На ней был строгий костюм, который сидел

просто идеально, но вырез... чуть глубже, чем положено по дресс-коду — и это почему-то особенно резануло по нервам.

Она смотрела на меня в упор, и в этом взгляде не было ни капли женского интереса. Только ненависть. Чистая, концентрированная ненависть к тому, кто так нагло посмел вторгнуться в ее жизнь.

И это... зацепило.

Черт.

Я отвел взгляд первым. Не потому, что проиграл в этой дуэли, а потому что нужно было брать контроль в свои руки. Сейчас. Немедленно.

— Дамир, — кивнул отец, нарушая затянувшуюся паузу. — Ты как раз вовремя.

— Слышал, — я прошел мимо Алисы, намеренно задев ее плечом — легкое, едва заметное касание, от которого она дернулась, как от удара током. — Весь коридор слышал.

Я сел в кресло рядом с отцом, развалившись так, будто это мой кабинет. Ногу на ногу, руки на подлокотниках, взгляд — в пустоту перед собой. Полное, абсолютное безразличие ко всему, что здесь происходит.

— Дамир... — начал Ветров, но я перебил:

— Я все знаю, Сергей Иванович. Условия приняты. Доля двадцать пять на двадцать пять, управление объединенной компанией переходит к нам после регистрации брака, вы оба остаетесь в совете директоров с правом совещательного голоса. Мои юристы уже готовят документы.

Тишина.

Я поднял глаза и посмотрел прямо на Алису, которая так и стояла у двери, не в силах сдвинуться с места.

— Ты чего застыла? — спросил я ровно. — Садись. Или ты предпочитаешь вести переговоры стоя?

— Переговоры... — ее голос сорвался на смешок. — Ты ворвался сюда, как к себе домой, даже не поздоровался. И говоришь ещё о каких-то документах...

— Я поздоровался, — перебил я. — Кивнул. Просто ты слишком увлеклась демонстрацией характера, вот и не заметила.

Она шагнула ко мне. Один шаг. Второй. Остановилась в полуметре, сверля взглядом.

— Ты хоть понимаешь, что здесь происходит? Меня продают, как кусок мяса, а ты...

— Тебя не продают, — я тоже поднялся, потому что сидеть, когда она стоит надо мной — значит проигрывать позицию. — Тебя инвестируют. Разница есть.

Мы стояли друг напротив друга. Сантиметров сорок, не больше. Я чувствовал запах ее духов — легкий, цитрусовый, с горьковатой нотой. Чувствовал, как дрожит воздух между нами от напряжения. И видел ее глаза — совсем близко, совсем ясно.

В них плескалась злость.

И еще что-то. То самое, что я заметил в коридоре, когда слушал ее крики. Жизнь. Настоящая, неподдельная жизнь,

которой так не хватало в моем мире, состоящем только из цифр и сделок.

— Инвестируют? — она усмехнулась, но усмешка вышла кривой. — Ты серьезно? Ты правда думаешь, что я соглашусь на это?

— Мне плевать, согласишься ты или нет, — я пожал плечами. Честно. Без эмоций. — Твое согласие — не пункт в договоре. Есть подпись твоего отца, есть решение совета директоров. Остальное — детали.

Она побледнела.

Буквально — краска схлынула с лица, оставляя только острые скулы и побелевшие губы.

— Ты...

— Что я? — я наклонил голову, изучая ее реакцию. — Я реалист, Алиса. Твой отец пришел к моему отцу на поклон. Не я к тебе, не мы к вам. Ваша компания — в жопе, если говорить прямо.

— Дамир... — отец попытался прервать меня, но я лишь слегка дёрнул головой.

— Без наших денег и связей вы рухнете через полгода-год. А с нами — будете жить и процветать. Цена вопроса — моя фамилия в твоём паспорте. Мелочь, по сути.

— Мелочь? — выдохнула она. — Мелочь?!

— Может, хватит? — я позволил себе легкую усмешку. Совсем легкую, почти незаметную. — У нас тут сделка, а не театр. Если хочешь играть — иди на сцену. А здесь —

бизнес. Большой бизнес.

Она замахнулась.

Я заметил это движение за секунду до того, как оно произошло — по тому, как дрогнули ее плечи, как сжались кулаки, как расширились зрачки. Легко мог перехватить руку. Но не стал.

Пусть ударит.

Пусть выпустит пар.

Может, тогда быстрее успокоится и начнет думать головой.

Но она не ударила. Замерла в последний момент, сжимая и разжимая пальцы, тяжело дыша. Грудь вздымалась под дурацким глубоким вырезом, и я поймал себя на том, что смотрю туда, куда смотреть не должен.

Отвел взгляд. И опустил обратно в кресло.

— Садись, — повторил я, кивнув на соседнее. — Поговорим как взрослые люди.

— Я не буду с тобой говорить, — выдохнула она.

— А придется. Мы теперь будем видеться каждый день. Жить в одном доме. Спать в одной постели, если уж говорить прямо. Так что лучше привыкай сразу.

— Что? — она рассмеялась, но смех вышел нервным. — Ты спятил? Я скорее лягу в гроб, чем в постель с тобой.

— Это твой выбор, — я пожал плечами. — Контракт не обязывает тебя выполнять супружеские обязанности. Только жить под одной крышей и соблюдать приличия на публике.

Она моргнула, явно не ожидая такой уступки.

— То есть...

— То есть, — перебил я, — меня в тебе интересует только одно: твои мозги. Говорят, ты неплохо соображаешь в маркетинге. Это хорошо. Пригодится. А остальное... опционально.

— Неплохо соображаю? — она скрестила руки на груди, и это движение привлекло мое внимание снова. Черт бы побрал этот вырез. — Я подняла ваш потенциальный рынок на двадцать процентов за полгода, если ты не в курсе.

— В курсе. Поэтому-то ты и здесь. Если бы ты была просто красивой куклой, отец нашел бы другую невесту. Подешевле и поговорчивее.

Я не врал. В досье были приложения — отчеты о ее работе, цифры, графики, результаты. Она действительно была умна. Действительно тащила свой отдел. И это единственное, что делало ситуацию более-менее приемлемой.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Изучающим. Будто пыталась понять, где здесь подвох.

— Тебя правда всё устраивает? — спросила она наконец. — И не бесит, что твою жизнь решают за тебя?

Я усмехнулся. По-настоящему, в первый раз за этот разговор.

— Милая, — сказал я, и это обращение вышло намеренно покровительственным, — моя жизнь никогда не была моей. Я родился с фамилией Корсаков. Это значит, что в три года меня учили играть в гольф с нужными людьми, в семь —

читать финансовые отчеты, в двенадцать — врать так, чтобы детектор лжи молчал. К восемнадцати я понял, что личного пространства не существует. Есть только активы. Я — актив. Ты — актив. Мы соединяемся — получается сверхактив. Романтика? — я развел руками. — Ее нет. И не надо.

Она смотрела на меня во все глаза. Впервые с момента моего появления — без ненависти. С каким-то странным, почти болезненным любопытством.

— Ты... правда готов жениться на мне, даже не зная меня? — выпалила она. — Вот так, без любви? По приказу?

Я посмотрел на часы. "Patek Philippe", между прочим, отец подарил на защиту диплома. Символ того, что время — деньги. Что каждая секунда должна работать на результат.

— Готов, — ответил я коротко. — Ещё вопросы?

— Ты чудовище, — выдохнула она.

— Возможно. Ладно, если на этом всё... — я кивнул Ветрову и отцу. — Сергей Иванович, пап, я на днях пришлю проект договора. Алиса, — я повернулся к ней, — до встречи на подписании. Надеюсь, к тому времени ты научишься держать лицо.

И вышел, не оглядываясь.

Но в коридоре я остановился на секунду, прислонившись спиной к стене. Закрыв глаза. Выдохнул.

Внутри — странная смесь раздражения и... возбуждения? Нет, не того возбуждения, о котором можно подумать. Меня завела ее реакция. Ее огонь. Ее готовность биться до послед-

него. Я не встречал таких женщин. Все, кто оказывался рядом со мной, или боялись, или хотели чего-то. Денег, связей, статуса. А эта — ненавидела. Честно, открыто, без примеси корысти.

Это было... свежо.

Я усмехнулся своим мыслям и пошел к лифту.

Но стоило мне спуститься на парковку, как позвонил отец.

— Что думаешь? — спросил он без предисловий.

— О Ветровой? — я невольно пожал плечами, хотя он бы этого всё равно не увидел. — Стерва. Умная стерва. Будет непросто.

— Справишься?

— А у меня есть выбор?

Между нами повисла пауза. Именно так он обычно замолкал перед принятием тяжелых решений. Особенно перед сделками, которые могли либо взлететь, либо оставить нас без гроша.

— Ты можешь отказаться, — сказал он тихо. — Я найду другой способ.

— Какой? — усмехнулся я. — Продать «Восточные ресурсы» китайцам? Занять у государства под дикие проценты? Нет, пап. Мы это уже проходили. Ветров — единственный, кто даст нам выход на новый рынок. Без него мы навсегда застрянем на сырьевой игле.

— Значит, девушка — просто цена?

— Просто цена, — подтвердил я, садясь в машину. — Но

красивая. Хоть какой-то приятный бонус от всего этого.

Отец хмыкнул, но ничего не сказал.

— Ладно, я поехал, — я захлопнул дверь и кивнул водителю.

— Ну давай. Звони, если что.

Машина вырулила с парковки, ныряя в московские пробки. Я спрятал телефон и уставился в окно. На серое небо, на стеклянные высотки, на бесконечные ряды машин. Хотя мысли постоянно возвращались к ней.

К Алисе.

К тому, как она побледнела, когда я сказал про постель. К тому, как дрожали ее руки. К тому, какие у нее глаза — светлые, почти прозрачные, как вода в горном озере. В них можно было утонуть, если позволить себе такую роскошь.

Но я не позволю.

Никогда.

Я снова достал телефон и набрал сообщение своему юристу:

«Готовь контракт. Пункт о раздельном проживании — обязательно. И штрафные санкции за отказ от публичных мероприятий. Она будет брыкаться, надо подстраховаться».

Ответ пришел через минуту:

«Сделаем».

Я убрал телефон и закрыл глаза.

Власть стоит этого спектакля. Власть стоит любой цены. Даже если эта цена — жизнь с женщиной, которая мечтает

тебя убить.

Но где-то глубоко внутри, в той части меня, которую я давно похоронил под тоннами цинизма и расчетов, шевельнулось что-то странное. Предвкушение? Интерес? Желание?

Я не знал. И не хотел знать.

Потому что знать — значит признать, что она уже залезла ко мне в голову. А этого я допустить не мог.

Ни за что.

Машина неслась по городу, а я смотрел в окно и видел только одно — ее лицо.

Черт.

Это будет долгая игра.

Глава 3. Алиса

Неделя до подписания контракта превратилась в ад.

Я не спала. Не ела. Не могла усидеть на месте больше пятнадцати минут — подбрасывало, как от разряда тока, и я снова начинала мерить шагами квартиру. Кофе лился рекой. Четвёртая кружка? Пятая? Не помню. Помню только, как дрожали руки, когда насыпала зёрна в кофемашину.

От кофе. Или от злости.

Наверное, от злости, всё-таки.

Потому что стоило прикрыть веки — и я видела его. Смотревшего сквозь меня, как сквозь стекло. Будто я — предмет интерьера. Функция, которую нужно принять в расчёт, но не более того.

Дамир Корсаков.

Я произносила это имя вслух. Пробовала на языке. Снова и снова.

Дамир. Корсаков.

Звучало как название болезни. Как диагноз.

«Инвестиция».

Он назвал меня «инвестицией». Сидел в кабинете отца — расслабленный, уверенный, — и смотрел на меня с тем самым выражением: лёгкое любопытство, смешанное с абсолютным, непробиваемым безразличием. А потом сказал про фамилию.

Мелочь...

Я готова была убить его голыми руками. Прямо там. При свидетелях.

Но вместо этого ограничилась лишь оскорблением. И только потом — уже дома — выпустила весь пар. Через чашку. Ту самую, любимую, с ручной росписью. Она разлетелась на мелкие осколки, а я стояла над ними, тяжело дыша, и в голове была только одна мысль — это только начало.

— Алиса, ты меня слушаешь?

Я моргнула, возвращаясь в реальность. Напротив меня в кресле сидел Игорь — мой старый друг, а по совместительству лучший частный детектив в этом городе. И, кажется, единственный человек, которому я могла доверять.

— Слушаю. Продолжай.

Я соврала. Не слушала. Последние несколько минут так точно. Потому что на стене за его спиной всё ещё виднелся крошечный скол от той самой чашки. И я не могла оторвать от него глаз.

Игорь вздохнул. Отложил папку — толстую, с цветными закладками, — и потёр переносицу. Выглядел он почти как я (и это не комплимент): тени под глазами, щетина, помятый воротник. Мда.

— Я три дня копал, Алиса. Три дня. Подключил всех. Даже тех, кого обычно не трогаю. Тех, кто мне должен. Тех, кто мне не должен. И знаешь, что я нашёл?

— Что?

— Ничего.

Тишина.

Я смотрела на него. Он — на меня.

— В смысле — ничего?

— В прямом. У этого парня просто образцовая биография. Ни судимостей. Ни скандалов. Ни долгов. Ни тайных любовниц. Ни одной заваленной сделки. Университет — красный диплом. Первые проекты — не подкопаешься. Я проверял всё: налоговую, суды, даже закрытые базы. Пусто.

Он развёл руками.

— Либо он святой, либо...

— Либо у него такая служба безопасности, что вычищает всё раньше, чем ты успеваешь копнуть, — закончила я за него.

— Именно. Я склоняюсь ко второму.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. В висках стучало.

— Покажи, что есть, — сказала я, открывая глаза.

Он подвинул папку через стол. Тяжёлую. И я открыла.

Фотографии.

Много фотографий.

Дамир на переговорах в Лондоне. Идеально сидящий костюм — явно на заказ, причём не из последней коллекции. Лицо непроницаемое. Ни одной лишней эмоции. И только лёгкий наклон головы указывал на то, что он слушает.

Дамир на открытии завода в Сибири. Каска, рабочая курт-

ка. Но даже в этом — хищник. Как волк, которого нарядили в овечью шкуру, но забыли предупредить, что он при этом должен выглядеть безобидно.

Дамир на светском приёме. Бокал в руке — виски, судя по цвету. Рядом — министр, которого я знала в лицо. Они о чём-то говорят, и министр — немолодой, седой, уже выдавший виды — смотрит на Корсакова с уважением. Не с подбострастием. Именно с уважением.

Тогда перешла к документам.

Цифры. Графики. Схемы владения. «Восточные ресурсы». Рост двести процентов за пять лет. Примерно с того момента, как Дамир вошёл в управление.

— Его боятся, — сказал Игорь. — Я говорил с теми, кто имел с ним дело. Ни одного плохого слова. Но все — ты понимаешь? — все отводили глаза. Знаешь этот взгляд, когда человек реально опасен?

— Знаю.

— Ну вот. О нём не говорят вслух. Мне сказали только, что «с Корсаковым лучше дружить». И всё. Точка.

Я перевернула ещё страницу. Потом ещё.

Пусто. Чисто. Стерильно.

Захлопнула папку. Подвинула обратно.

— Спасибо. Но... порой ещё. Мне нужно хоть что-то. Хоть какая-то зацепка. Слабость. Грех. Всё, что угодно.

Игорь наклонился вперёд. Глаза — уставшие, но всё такие же цепкие.

— Алиса. Я знаю тебя достаточно давно. Колись, что происходит? Зачем он тебе?

— Прости, но... это слишком личное.

Он помолчал. Потом просто кивнул. Похоже, понял, что дальше расспрашивать будет бесполезно. Собрал вещи. Но у двери обернулся.

— Я продолжу копать. Но, Алиса... если он действительно так чист, как кажется, — это не просто так. За такой чистотой либо огромные деньги, либо огромные проблемы. И то, и другое — опасно.

— Я знаю.

И он ушёл. А я так и осталась на кухне, просто уставившись в окно. Город внизу жил своей жизнью — огни, машины, люди. Кому-то сейчас было весело. Кому-то — грустно. Кому-то — всё равно.

А мне было не по себе.

Я сжала кулаки.

Ничего. Я найду способ решения этой проблемы. Всегда нахожу.

Взяла телефон, и снова набрала Игоря.

— Да?

— Забудь пока про его бизнес и попробуй узнать про увлечения, зависимости. Не знаю... Но у каждого в шкафу есть хоть какой-то скелет.

— У него, походу, не шкаф, а стерильная операционная,
— хмыкнул Игорь. — Ладно, понял. Сделаю.

— Спасибо.

— Ага. До скорого.

Я сбросила.

И тут поймала себя на том, что смотрю на выпавшую из папки Игоря фотографию.

Дамир на каком-то закрытом мероприятии. Стоит у бара. Один. В руке — бокал. Взгляд — прямо в объектив.

Причём смотрит так, будто знает, что кто-то будет рассматривать это фото.

Будто говорит: «Ну давай. Попробуй».

Я скомкала фотографию и выкинула.

После чего направилась сразу в спальню.

Однако, сколько бы не ворочалась, сон не шёл. Только глаза — зелёные, холодные — стояли перед внутренним взором.

И улыбка. Одними уголками губ, но говорящая больше, чем любые слова.

***

Два дня спустя я была готова лезть на стену.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Игорь так и не смог ничего найти.

И даже когда я сама обзвонила всех, кого знала — партнёров отца, знакомых юристов, пару журналистов, которые специализировались на деловых расследованиях — никакого результата это не принесло.

Никто не хотел говорить о Корсаковых.

Либо не знали. Либо боялись.

В какой-то момент я заметила, что проверяю почту каждые пять минут. Что просыпаюсь среди ночи и тянусь к телефону — вдруг Игорь что-то прислал. Что прокручиваю в голове сценарии — один безумнее другого: срыв подписания, публичный скандал, побег из страны...

А потом — стоп.

Я сидела у окна с очередной кружкой кофе и вдруг поняла — я думаю о нём. Постоянно. Непрерывно. Не только как о враге. Не только как о цели. А о нём самом. О том, как он смотрел. Как говорил. Что говорил. Особенно про свою жизнь.

«Никогда не была моей»...

Чёрт.

Как же это тупо. И очень не вовремя.

Я тряхнула головой.

Всё. Хватит. Нужно проветриться.

И я даже знаю — с кем...

Катя ответила почти сразу. И явно очень обрадовалась. Всё-таки мы почти месяц не виделись — она моталась по командировкам, а я... я варилась в собственном аду.

— «La Marée»? — предложила она. — Давно там не были.

— А давай.

***

«La Marée» был из тех мест, куда ходят не за едой, а за ста-

тусом. Дорогой, полумрачный, с идеальной кухней и таким же идеальным обслуживанием. Официанты скользили между столиками бесшумно, как тени, а гости говорили вполголоса, даже когда обсуждали какие-то пустяки. Здесь можно было очень легко исчезнуть. Раствориться в интерьере. И просто наблюдать за окружающими.

Катя уже ждала за столиком у окна. Загар, новые серьги — с бриллиантами, не меньше трёх каратов каждый, — довольная улыбка. Она всегда выглядела так, будто жизнь — это бесконечный отпуск, и мне это в ней безумно нравилось.

— Рассказывай! — потребовала она, едва я села.

— Дай хотя бы вина заказать.

— Вина! — она щёлкнула пальцами, подзывая официанта. — Или воды... Алиса, не сбивай меня! Ты вообще себя видела? Выглядишь как смерть. Давай рассказывай уже.

— Да погоди ты.

Когда подошёл официант, я сначала долго выбирала вино (Хотя, что кроме «Шабли»? Ну правда), а затем попыталась также схитрить с закусками, но у Кати уже кончилось терпение и она просто назвала первый же более-менее подходящий вариант.

Вот же ж...

Мне нужно было ещё время, чтобы придумать какой-то правдоподобный ответ.

Да, Катя моя лучшая подруга. Причём из тех, кто выслушает, не осудит и, если надо, даже труп поможет скрыть.

Но про брак по расчёту я не говорила никому.

Не знаю. Стыдно, наверно... Унизительно.

Просто, как объяснить, что тебя продали, как какую-то побрякушку, а ты только и можешь, что покорно согласиться?

— Работа, — ответила я. — Много работы.

— Врёшь.

Я подняла бровь.

— С чего ты взяла?

— Я тебя пятнадцать лет знаю. У тебя глаза горят, как у бешеной кошки. Это не работа. Это мужик.

— Господи, Катя...

— Что? Разве нет? — она прищурилась. — Ты так смотришь, только когда злишься на кого-то. Или хочешь кого-то. И обычно эти пункты совпадают.

Я рассмеялась. Причём — искренне, что даже для меня это оказалось неожиданностью. Катя умела разряжать обстановку. Может, поэтому именно ей я звонила в таких ситуациях...

— Допустим, — согласилась я. — Есть один... козёл.

— Козёл — это хорошо. Козлов интересно перевоспитывать.

— Этого не перевоспитать.

Она хотела что-то ответить, но официант принёс вино, и мы отвлеклись.

Я сделала глоток. Потом ещё один.

И вдруг — холодок по позвоночнику.

Чей-то взгляд. Знакомый взгляд.

Я знала это чувство. Кожа помнила его ещё с кабинета отца. Медленно, очень медленно, я подняла глаза и обвела зал.

Он сидел в углу. За столиком, который считался лучшим в ресторане: отдельная ниша с видом на весь зал, но при этом скрытая от чужих глаз. Я прошла мимо и даже не заметила.

Дамир Корсаков.

А напротив него — эффектная блондинка. Идеальная укладка, платье за несколько тысяч долларов, улыбка, отточенная до автоматизма. Она что-то заказывала официанту, ненадолго выпав из диалога. А он...

Он смотрел не на неё.

Он смотрел на меня.

Прямо. Открыто. С той же холодной усмешкой.

— Ты чего? — Катя обернулась. — Ох ты... Твой, что ли?

— Мой, — выдохнула я, и только потом поняла, как это прозвучало.

Катя присвистнула.

— Красивый, чёрт. И богатый, похоже. Так что не так-то?

— Всё не так, — сказала я, не отрывая взгляда от Дамира.

— Это из-за него я не сплю третью неделю.

— А? Расскажешь?

— Потом.

Я смотрела на него. А он — на меня. И блондинка, заме-

тив, что потеряла его внимание, тоже обернулась.

Плевать, что она подумает. Плевать.

Потому что внутри у меня закипала лава.

Он сидел здесь. В ресторане. С какой-то куклой. Пил вино. Улыбался. А я... я не спала, не ела, доводила себя до ручки, пытаюсь найти на него управу.

А он... он просто жил свою жизнь. Как будто ничего не произошло. Как будто через два дня не станет моим мужем.

Мужем.

Это слово звучало как приговор.

— Знаешь что... — я встала.

— Алиса... — Катя схватила меня за руку. — Не делай глупостей.

— Я никогда не делаю глупостей.

Сказала — и сама себе не поверила.

***

Он не удивился, когда я подошла. Не вздрогнул, не напрягся. Просто поднял глаза и посмотрел с тем самым лёгким любопытством. Будто ждал. Знал, что я подойду.

— Алиса, — ровно сказал он. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Врёшь, — бросила я, чувствуя, как адреналин разгоняет кровь. — Ты следил за мной с момента, как я вошла.

— Возможно.

Блондинка переводила взгляд с меня на него и обратно. Губы приоткрыла — явно собиралась что-то сказать, но Кор-

саков поднял ладонь, и она замерла. Как по команде.

— Мы знакомы, — пояснил он ей. — Это моя будущая жена.

У блондинки отвисла челюсть.

— Кто?..

— Жена. Через два дня, если быть точным.

Он повернулся ко мне.

— Присаживайся. Выпьешь с нами?

— Я не сяду с тобой за один стол.

Голос прозвучал громче, чем я планировала. Соседние столики начали оборачиваться. Кто-то отложил приборы. Ближайший официант застыл с подносом.

Я чувствовала их взгляды — любопытные, оценивающие, жадные до чужого скандала.

Плевать.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — продолжила я. — Чтобы все слышали.

Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. И на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Слушаю.

Вдох.

Выдох.

— Ты — ублюдок. Ты и твоя семья. Вы пользуетесь тем, что у моего отца проблемы, и шантажируете его. Заставляете меня выйти за тебя. Это отвратительно. Это... средневековье,

какое-то.

Мой голос звенел, как натянутая струна.

— Ты думаешь, что можешь купить меня? Я. Не продаюсь. И я найду способ разрушить твои планы. Я найду на тебя управу. Ты пожалеешь, что вообще появился в моей жизни.

Вокруг воцарилась тишина.

Такая плотная, что, казалось, её можно резать ножом.

Весь ресторан замер. Блондинка вжалась в стул. Катя за моей спиной, кажется, вообще перестала дышать.

А он молчал.

Смотрел на меня. Спокойно. Почти лениво.

И молчал.

А потом медленно, очень медленно, уголок его губ пополз вверх.

— Закончила? — спросил он.

— Что?

— Я спросил: ты закончила? Если нет — продолжай. У меня ещё есть немного времени.

Я смотрела на него и не могла поверить. Он надо мной смеялся. Я выворачиваю душу наизнанку перед всем рестораном... А он сидит. И смеётся.

— Ты...

— Ладно, стоп, — перебил он. — Это было очень эмоционально. Очень, я бы даже сказал, театрально. Но, в целом, неплохо.

Он чуть склонил голову.

— Только есть одна проблема, Алиса. Унизить можно только того, кому есть что терять. А мне терять нечего. Кроме времени, которое ты сейчас тратишь впустую.

Я снова открыла рот. Но он продолжил — всё тем же ровным, спокойным голосом, от которого хотелось кричать.

— Ты сказала, что найдёшь на меня управу. Вперёд. Мои юристы будут рады пообщаться с твоим адвокатом. А по поводу шантажа... — он усмехнулся. — Твой отец пришёл к нам сам. Никто его не заставлял. Просто бизнес, Алиса. Жёсткий, взрослый бизнес. Тебе, с твоими... маркетинговыми играми, этого, наверное, не понять.

— Играми?! — я чуть не задохнулась. — Я подняла отдел на сорок процентов!

— Молодец, — кивнул он. — Похвально. А теперь представь, что будет, когда ты получишь доступ к реальным ресурсам. К деньгам. Связям. Ты сможешь гораздо больше.

Он подался вперёд.

— Или ты думаешь, что я женюсь на тебе просто так? Для красоты?

Я промолчала.

— Это не личное, Алиса. Просто. Бизнес. И чем быстрее ты это поймёшь, тем легче нам будет жить.

Не личное.

Бизнес.

Я смотрела на него и чувствовала, как земля уходит из-

под ног. Он не злился. Не оправдывался. Не кричал в ответ. Он просто объяснял — спокойно, рационально, как ребёнку, — как устроен этот грёбанный мир.

И это было хуже любой ссоры.

— Я ненавижу тебя, — выдохнула я.

— Знаю, — кивнул он. — Но это пройдет.

— Никогда.

— Пройдет, — снисходительно повторил он. — Когда поймешь, что я — единственный, кто может дать тебе то, чего ты действительно хочешь.

— И чего же я хочу?

— Власти.

Всего одно слово. Простое. Но точное.

— Ты хочешь власти, Алиса. Так же, как и я. И мы получим её, но только вместе. А ненависть... — он пожал плечами. — Ненависть — это лишняя растрата энергии. Лучше перенаправь её на что-нибудь полезное.

Я молчала. Блондинка молчала. Весь ресторан, казалось, замолчал.

— Если на этом всё, можешь идти, — кивнул Дамир. — Хотя, стой.

Он вдруг жестом подозвал официанта. Взял у него ручку. Наклонился над столом и быстро написал что-то на салфетке — несколько цифр. И протянул мне.

— Мой личный номер. Если захочешь поговорить без свидетелей. Или если найдёшь ту самую... «управу». Буду рад

обсудить.

Я посмотрела на салфетку. На его пальцы — длинные, с аккуратным маникюром. На часы — другие, но такие же дорогие. Очень дорогие.

И не взяла.

— Оставь себе.

— Как хочешь.

Он положил салфетку на стол. Потом достал бумажник и, вынув несколько купюр, положил сверху.

— Бери. Закажи себе что-нибудь.

Я перевела взгляд на деньги. На салфетку. На его лицо.

И внутри взорвалось.

— Пошёл ты, — процедила я.

Он усмехнулся

— Только вино допью.

Я развернулась и пошла обратно. Ноги не слушались. Пальцы дрожали. Сердце колотилось где-то в горле — громко, набатом. Я чувствовала взгляды всего ресторана. Они, наверно, думали, что я какая-то истеричка. Любовница, которую недавно бросили. Или просто сумасшедшая.

Плевать.

Катя смотрела на меня квадратными глазами.

— Ты... это было...

— Молчи, — выдохнула я, падая на стул. — Просто молчи.

— Но... но он...

— Молчи!

Я схватила бокал и осушила залпом. Но почти не почувствовала вкуса.

— Что он тебе дал? — тихо спросила Катя.

Я обернулась. Официант уже убирал салфетку и деньги. А Дамир продолжал смотреть в нашу сторону. А затем поднял бокал — как тост. Как будто мы просто мило побеседовали о погоде.

— Ничего, — ответила я. — Он дал мне понять, что я — идиотка.

— Ты не идиотка.

— Идиотка, — я закрыла лицо руками. — Полная идиотка. Я думала, что смогу его задеть. А он просто сидел и смотрел. Как на насекомое.

Катя помолчала. А потом тихо спросила:

— Если честно, кто он тебе?

Я подняла на неё глаза.

— Будущий муж.

Пауза.

Катя присвистнула и откинулась на спинку стула. В её глазах — ужас пополам с восхищением.

— Ну, дорогая, — протянула она. — Весёлая у тебя будет... семейная жизнь.

Я снова посмотрела в сторону Дамира. Он уже отвернулся и продолжил прерванный разговор с блондинкой. Весь из себя спокойный. Уверенный.

И вдруг — словно почувствовал мой взгляд — снова перевёл на нас взгляд.

И улыбнулся.

После чего чуть заметно покачал головой. Как будто говорил: «Успокойся, глупышка».

Я отвернулась первой.

Ублюдок.

Глава 4. Дамир

Телефон разрывался.

Я лежал с открытыми глазами и слушал, как он вибрирует — короткими, настырными толчками — по деревянной поверхности прикроватной тумбы. Шесть утра. Кому там неймётся?

Впрочем, какая разница. Я всё равно не спал.

Организм давно привык к четырём часам в сутки. Адреналин, кофе, сделки, перелёты — стандартный набор. Но сегодня причина была другая.

Сегодня я лежал и смотрел в потолок.

Белоснежная лепнина. Лепнина, мать её. Дизайнер сказал — классика, респектабельность, статус. Я согласился, потому что мне было плевать. Этот дом — триста квадратов в «Золотой миле» — никогда не был домом. Так, придаток к офису. Место, где можно рухнуть на пару часов между переговорами.

Но сейчас я смотрел на эту чёртову лепнину, а видел только её глаза.

Прищуренные. Острые. Горящие внутренним огнём.

То, как она вчера стояла надо мной — дрожала от ярости, сжимала кулаки, — и толкала свою речь... Громко. При всех. Чтобы услышал каждый.

Я усмехнулся. В тишине пустой спальни это вышло почти

беззвучно.

Ненавидит. Это хорошо. Ненависть всё-таки лучше, чем равнодушие. Равнодушие — это смерть. А она живая. До дрожи. До искр. До пожара.

Интересно, сколько она продержится, прежде чем поймёт, что я — не враг.

Телефон снова завибрировал. Я наконец протянул руку и, взяв его, глянул на экран.

Вадим. Три сообщения. И голосовое?

— Дамир Игнатьевич, — голос в селекторе ожил одновременно с тем, как я открыл переписку. — Подъехал Вадим Сергеевич. Говорит, срочно.

Я хмыкнул. Если начальник службы безопасности решил зайти в гости, — значит, случилось что-то любопытное.

— Пусть заходит.

Накинув халат, я прошёл в кабинет — смежную комнату с панорамным окном и столом, который стоил как хорошая машина.

А уже через несколько секунд раздался стук. Коротко, сухо — костяшками по шпону.

— Проходи, — бросил я, садясь в кресло.

И он вошёл. Высокий, лысый, с лицом человека, который видел слишком много дерьма, чтобы теперь чему-либо удивляться. Бывший военный. Потом ФСБ. Потом частная практика. А теперь работает на меня. И пока что без серьёзных нареканий.

— Что случилось?

Вместо ответа он положил на стол тонкую папку.

— Ваша невеста активничает.

Я поднял бровь. Опустил взгляд на папку, но не взял.

— А конкретней?

— Наняла детектива. Игорь Власов. Частник, но довольно известный в узких кругах.

Вадим говорил ровно, без эмоций. Впрочем, как всегда в таких случаях.

— И сейчас он копает под вас. Биография, связи, сделки, личная жизнь. Поднял даже старые архивы, которые мы обычно не светим.

— И что? Нашёл что-то?

— Ничего. — Он позволил себе лёгкую усмешку. — Мы чисты.

— Мы всегда чисты, — поправил я. — А она... она просто проверяет границы.

— Слишком активно. Только вчера вечером трижды ему звонила. Требовала продолжать. Даже двойной гонорар пообещала.

Я наконец взял папку.

Там было несколько фотографий. И уже первая приковала к себе мой взгляд.

Алиса в кафе с каким-то мужчиной — исходя из ракурса, снято с соседнего столика. Она напряжена. Сжимает чашку так, словно хочет раздавить её. Напротив — Игорь Власов,

судя по подписи. Разговаривают. Она хмурится. Он напряженно облокотился на стол.

Красивая. Даже на этих зернистых снимках — красивая.

— Она зла, — прокомментировал Вадим, тоже бросив взгляд на фото. — Очень зла. Такие, как она, в ярости могут совершать большие ошибки.

— Такие, как она? — я поднял глаза. — О чём ты?

— Привыкла к победам. Избалованная папина дочка. Никогда не заставляли делать то, чего не хочет. А тут — вынужденный брак. Да ещё и с вами. Наверняка сильно ударило по самолюбию.

Я смотрел на Вадима и молчал.

Вроде ж хорошо разбирается в людях. А тут...

Привыкла к победам? Да. Избалованна? Ну, возможно. Но папина дочка? Нет. Точно нет.

В её глазах было что-то другое. Голод. Тот самый голод, который не купишь за деньги. Не воспитаешь в тепличных условиях. Не подделаешь.

Она хотела большего. И ненавидела меня за то, что именно я был тем самым ключом, способным распахнуть перед ней все необходимые двери. И за то, что и я это прекрасно понимаю.

— Оставь папку, — сказал я. — И продолжай наблюдать. Только аккуратно. Не спугни.

— Понял.

Вадим вышел. А я остался сидеть над фотографиями. Она

— в машине. Она — на улице. Она — у подъезда своего дома. Мои люди работали профессионально. Ни одного прокола.

Но чем дольше я смотрел, тем отчётливее понимал: мне плевать, что она копает.

Меня больше интересовало другое. Как далеко она готова зайти? Что сделает, когда поймёт, что проиграла? И сколько времени пройдёт, прежде чем ненависть в её глазах сменится чем-то другим.

Чем-то более... интересным.

***

Когда я приехал в офис, там уже ждала гора бумаг.

«Восточные ресурсы» не прощали простоев. Сделки, контракты, переговоры, бесконечные совещания — механизм работал без остановки, и я был одним из его ключевых узлов. Отключишься — всё встанет.

И я нырнул в работу с головой. Цифры, графики, отчёты. Думал — поможет. Думал — затянет, отвлечёт, выключит тот голос в голове, который твердил о ней.

Не помогло.

К полудню я поймал себя на том, что стою у окна и рисую пальцем на стекле. Бессознательно. Как подросток на запотевшем окне маршрутки. И только через несколько секунд понял, что именно рисую.

Её профиль. Острые скулы. Тёмные волосы. Линия губ. Чёрт.

Резко отдернул руку. Сжал пальцы в кулак.

Нет, так не пойдёт.

Нажал кнопку селектора.

— Кофе. Двойной эспрессо, пожалуйста. И пригласите отца, если он в здании.

Отец появился через полчаса. Вошёл, опираясь на трость, и тяжело опустился в кресло напротив. Сложил руки на набалдашнике. И уставился своим тяжёлым, ничего не упускающим взглядом.

— Вадим всё рассказал, — заявил он без предисловий. — Неймётся девчонке, да?

Я чуть прищурился.

— Ага.

Вадим рассказал... Ну-ну.

Надо будет сказать ему, кстати, несколько поубавить пыл ребятам с головной. А то никакой личной жизни.

— И?

— И что?

— Ты собираешься что-то делать?

Я откинулся в кресле, разглядывая его.

Стареет. Морщин с каждым годом всё больше. Да и седина уже не благородная, а просто старческая. Разве что трость... Он мог бы обходиться без неё, но держался за неё, как за символ власти.

И только глаза оставались прежними. Цепкие. Расчётливые. Внимательные.

— Пусть роет, — ответил я. — Ей нужно выпустить пар. Чем больше энергии потратит сейчас, тем быстрее успокоится.

— Или тем больше найдёт.

Отец прищурился.

— Что-то ты слишком расслабился с ней... Точно всё чисто?

— Абсолютно.

— Даже с теми... из ХМАО?

Я замер.

Всего на секунду, и отец вряд ли это заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Но внутри кольнуло.

ХМАО. Пять лет назад.

Единственная сделка в моей жизни, которая действительно могла вызвать некоторые вопросы. Но... там, скорее, вопросы к совести. А её я давно уже похоронил.

— Всё чисто, — сказал я ровно. — Сам ведь знаешь.

Отец кивнул. С небольшой задержкой, но кивнул.

— Смотри, Дамир. Она — не как твои прежние куклы. Не хотелось бы, чтобы она что-то нашла.

— Не найдёт.

— А если найдёт?

Я невольно хмыкнул.

— Пусть. Это всё равно ей ничего не даст. С нашими-то связями...

— Связи связями... Но ведь есть и те, кто был бы рад... создать нам проблемы.

Я промолчал.

Он был прав. Врагов действительно хватало. И если Алиса объединится с ними — если найдёт нужную ниточку и потянет — может получиться некрасиво.

Но я не собирался этого допускать.

— Я контролирую ситуацию, — сказал я. — Скоро мы поженимся, и я сделаю так, что ей станет просто невыгодно мне вредить.

Отец усмехнулся.

— Уверен? Вряд ли получится быстро приручить её.

— А я и не собираюсь приручать. С ней нужно по-другому.

— И как же?

— Дать то, чего она хочет на самом деле. Стать её полноценным партнёром. Сперва деловым, а потом... Потом посмотрим.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом.

Я знал этот взгляд. Смесь сомнения, лёгкой насмешки и немного внутренней усталости.

— Ты влюбился в неё? — спросил он вдруг.

Я коротко рассмеялся.

— Влюбился? О чём ты? Ты же знаешь, мне главное результат. А она... Из неё получится хороший инструмент для достижения наших планов. Не более.

— Смотри, — он поднялся, опираясь на трость. — Инструменты иногда ломаются. А то и ранят хозяина.

— Не беспокойся. Я буду аккуратен.

Отец вышел. А я остался сидеть, глядя в одну точку.

Инструмент.

Я назвал её инструментом.

Но почему тогда я не могу выкинуть её из головы? Почему воспоминания о наших коротких, но эмоционально насыщенных встречах заставляют кровь быстрее бежать по венам?

Просто... она единственная, кто посмела со мной бороться. Не на равных, конечно — ей до этого ещё очень далеко, — но всё же.

И мне это нравилось.

Я хотел продолжения.

Хотелось увидеть, к чему приведёт эта война.

Война.

Какое интересное слово...

Ну, тогда добавим немного... эскалации.

Я перевёл взгляд на стол и нажал кнопку селектора.

— Соедините с юридическим отделом. И принесите проект брачного контракта.

***

Юристы постучались уже через десять минут.

Трое. Одни из лучших. Те, кто готовил этот контракт две недели. Теперь стояли перед моим столом в ожидании даль-

нейших указаний.

— Садитесь, — кивнул я. — Есть... кое-какие предложения по правкам.

Старший — седой, с лицом уставшего бульдога — осторожно подался вперёд.

— Какие именно, Дамир Игнатьевич?

— Верните раздел о совместном проживании. Но с дополнительным пунктом, что в случае отказа от исполнения супружеских обязанностей без медицинских показаний, последуют штрафные санкции.

Юрист озадаченно моргнул. Но записал.

— Размер?

— Крупный. Такой, чтобы... и мысли не возникло пренебречь этим требованием.

Он коротко кивнул. Но тут второй — помоложе, амбициозный — открыл рот.

— Это... довольно жёстко. Она может не подписать.

— Подпишет.

Я усмехнулся.

— Если понадобится, её отец подпишет за неё.

Юристы переглянулись. Но спорить не стали.

— Ещё что-то?

— Да. Пункт о неразглашении. Постарайтесь расширить до максимума. Чтобы она вообще ни с кем не могла обсуждать нашу личную жизнь, включая адвокатов, если на то не будет моего письменного разрешения.

— Это... сложно будет реализовать.

— Реализуйте. Придумайте что-нибудь. В общем... не мне вас учить.

Тишина. Потом почти синхронный кивок.

— Завтра к вечеру проект должен быть у меня. Всё. Свободны.

Когда дверь за ними закрылась, я встал из-за стола и подошёл к окну. Где-то там, в этой массе стекла и бетона, жила она. Наверняка сейчас тоже думала обо мне. Ненавидела. Искала способ уничтожить.

А я думал о том, как сделаю её своей.

Не сломаю — нет. Сломанные неинтересны.

Я сделаю так, что она сама захочет быть со мной. Сама пришла. Сама попросила.

Это будет долго. Сложно. Но результат того стоит.

Достал телефон и набрал Вадиму:

«Усиль наблюдение. Хочу знать каждый её шаг. И подготовь людей на случай, если решит сбежать».

Ответ пришёл через минуту.

«Понял».

Я убрал телефон. И усмехнулся своему отражению.

Игра началась.

Два дня до подписания договора.

Два дня до того, как Алиса Ветрова сама подготовит почву для перевоплощения в Алису Корсакову.

Два дня.

Я оторвался от окна и вернулся к столу. Пора было работать. Но сперва...

Покопавшись в почте, нашёл контакт её отца. И отправил небольшое сообщение.

«Александр Викторович, добрый день. Напоминаю, что подписание через два дня. Документы готовы. Жду вас с Алисой в среду, в три часа. С уважением, Дамир Корсаков».

Отправил.

Вот теперь точно всё. Теперь она точно никуда не денется.

Алиса пока этого не понимала. Но скоро поймёт. Брак — не тюрьма. Брак — это рычаг. И тот, кто правильно его использует, получит всё.

И я собирался получить всё.

Включая её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.